

И. В. Пьянков
МАССАГЕТЫ ГЕРОДОТА

СООБЩЕНИЯ Геродота о массагетах хорошо известны и широко используются исследователями. Однако интерпретация этих сообщений довольно сложна и весьма существенно влияет на выводы, которые можно сделать из указанных сообщений. Между тем исследователи, использующие данные сообщения Геродота и зависящих от него авторов, не всегда учитывают даже сам факт спорности того толкования, которое они придают этим сообщениям.

Массагеты у Геродота фигурируют в двух рассказах: в рассказе о походе Кира на массагетов (201—216; III, 36; VII, 18)¹ и в одном из рассказов (третьем) о происхождении скифов (IV, 11—12). Подробное рассмотрение этих рассказов в целом не будет входить в нашу задачу. Мы остановимся специально лишь на периегесе Каспийского моря (I, 201—204; IV, 40) и описании массагетов (I, 215—216; IV, 172) — то и другое является частью рассказа о походе Кира на массагетов.

Рассмотрим, прежде всего, состав данных сообщений Геродота. При этом известия самого Геродота мы будем рассматривать вместе с однородными известиями других авторов.

Указанные сообщения Геродота являются одними из многочисленных в его сочинении парентес — вставок в основное повествование. По своему характеру это парентесы описательные, также обычные для Геродота — они описывают земли и народы. Часть основного повествования, которому подчинены парентесы, в данном случае — рассказ о походе Кира на массагетов. Первая вставка — периегеса Каспийского моря — начинается после первых же слов названного рассказа и предваряет его основное изложение. Вторая вставка — описание массагетов — заключает изложение. Из числа других сообщений на ту же тему, родственных указанным, известия Геродота находят достаточно полное соответствие лишь в рассказе о массагетах у Страбона (Strabo, XI, 8, 6—7); при этом материал, распределенный у Геродота между двумя упомянутыми вставками, у Страбона совмещен в одном описании. Можно отметить также сообщение о массагетах Дионисия Периегета и его латинских переводчиков². Остальные сообщения, принадлежащие как Геродоту, так и другим авторам, соответствуют лишь отдельным частям рассматриваемых сообщений «отца истории».

¹ Ссылки на Геродота здесь даются без указания автора.

² Dion. Per., 739—745; Prisc., 718—721; Avien., 916—922.

Внутри обеих вставок — и периегесы Каспийского моря, и списания массагетов — можно выделить несколько частей, объединенных общностью содержания.

1. *Общее описание массагетов.* «... Народ этот [массагеты], говорят, большой и храбрый, а обитает он на востоке [по направлению] к восходу солнца, по ту сторону реки Аракс, напротив исседонов. Некоторые, однако, говорят, что это скифский народ» (Herod., I, 201). Это описание имеет соответствие в сочинении самого Геродота. Замечено, что у Геродота описательные вставки обычно оторваны от основного изложения, которому они подчинены, и связаны с «историческим» изложением, находящимся совсем в других местах сочинения; при этом часто вставки содержат больше географического и этнографического материала, чем соответствующие им «исторические» сообщения³. Следует ожидать, что такое соответствие имеет и приведенное описание. Действительно, в упомянутом уже рассказе о происхождении скифов также фигурируют массагеты за Араксом (Herod., IV, 14), но в данном описании об этих массагетах говорится более развернуто. Из числа других авторов соответствующее описание можно найти у Дионисия и Филострата. Первый автор и его латинские переводчики сообщают: «... На востоке, по ту сторону шумящего Аракса, живут массагеты»⁴. Второй автор говорит: «[Кипр отправился] за реку Истр против массагетов и исседонов, а народы эти скифские...»⁵.

2. *Описание Аракса и его островов, людей, живущих на островах.* Начинается эта часть словами: «[Одни] говорят, что Аракс больше Истра. [другие] — меньше»; кончается словами: «Такой, говорят, их образ жизни» (Herod., I, 202). Соответствующее описание людей, живущих на островах, имеется у Страбона: «Живущие на островах, не имея земли для посева, поедают корни и используют дикие плоды, одеваются в древесное лыко (ибо не имеют скота), пьют же сок, выжимаемый из древесных плодов» (XI, 8, 7).

3. *Описание Аракса, его рукавов и болот, жителей болот, отдельного рукава.* Начинается эта часть словами: «Река же Аракс течет от матиенов...»; кончается словами: «Один же из рукавов Аракса течет по открытой местности в Каспийское море» (Herod., I, 202). Близкое сообщение об Араксе, впадающем в Каспийское море, содержится в другом месте сочинения Геродота. Описывая границы восточной части Азии, Геродот здесь говорит, что Азию омывает Эрифрейское море (имеется в виду на юге), «а к северу — Каспийское море и река Аракс, текущая к восходящему солнцу» (IV, 40). Соответствующее описание Аракса, его рукавов, жителей болот и отдельного рукава имеется в двух сообщениях у Страбона. Одно из них гласит: «Более всего, говорят, Аракс наводняет страну [массагетов], разделенный на множество [рукавов], изливаясь всеми другими устьями в другое, на севере [расположенное] море, и лишь одним единственным — в Гирканский залив. Болотные жители питаются рыбой и одеваются в шкуры тюленей, поднимающихся вверх по рекам из моря» (XI, 8, 6, 7). Другое сообщение таково: «... [Аракс], вытекая от матиенов, разделяется на сорок рукавов...» (XI, 14, 13). Этот же Аракс изображен на карте Пейтингера: вытекает он с гор, расположенных на юго-запад от Гирканского залива, протекает на восток,

³ А. И. Доватур, Повествовательный и научный стиль Геродота, Л., 1957, стр. 167. А. И. Доватур указывает как на пример такой вставки («ученого примечания») на рассматриваемую периегесу Геродота (там же, стр. 168).

⁴ Dion. Per., 739—740; Prisc., 718; Avien., 917.

⁵ Philostr., Heroic. V, 3.

к югу от этого залива (но не впадает в него), и вливается в северо-восточную часть внешнего моря. (Tab. Pent. XI, 5 — XII, 5).

4. *Описание Каспийского моря.* Начинается эта часть словами: «Каспийское же море — отдельное, не сливающееся ни с каким другим морем»; кончается — определением длины и ширины моря (Herod., I, 202—203). Содержащееся здесь утверждение о соединении моря эллинов, Атлантического моря и Эрифрейского моря подробно разъясняется и обосновывается в другом месте сочинения Геродота (IV, 42—44). Соответствующее сообщение о морях имеется у Аристотеля: «Существует довольно много морей, не сливающихся друг с другом ни в одном месте; так, хотя Эрифрейское море, кажется, в какой-то степени соединяется с морем, которое за [Геракловыми] столбами, Гирканское и Каспийское отделены от него и кругом заселены, так что [их] истоки не остались бы незамеченными, если бы [истоки] в каком-нибудь месте у них были»⁶.

5. *Описание Кавказа и его жителей.* Начинается эта часть словами: «К западу от этого моря простирается Кавказ. . .»; кончается словами: «Совокупление у этих людей, [говорят], совершается открыто, как у скота» (Herod., I, 203). Соответствующее описание жителей гор имеется у Страбона: «Жители гор также питаются дикими плодами, но имеют и овец, хотя немного, так что не режут [их], сохраняя ради шерсти и молока. Одежду они расписывают намазывающимися красками, яркость которых долго не блекнет» (XI, 8, 7). Об одном из обычаев тех же жителей говорят паремнографы: «Горные массагеты вступают в [половую] связь на дорогах»⁷.

6. *Описание равнины массагетов.* «. . . А на востоке [со стороны] восходящего солнца [к Каспийскому морю] примыкает равнина на необозримом пространстве. Немалую часть этой огромной равнины занимают массагеты. . .» (Herod., I, 204). Соответствующее указание на местоположение массагетов имеется у Страбона: «. . . Обитавших по ту сторону Каспийского моря называли одних саками, других массагетами. . .» (XI, 6, 2).

7. *Описание одежды и образа жизни массагетов.* «Массагеты носят одежду, подобную скифской, и имеют [такой же] образ жизни (Herod., I, 215).

8. *Описание способа сражения и вооружения массагетов.* Начинается эта часть словами: «Это конные и пешие воины (ибо знают оба способа войны)»; кончается словами: «. . . а уздечки, удила и фалары [украшают] золотом» (Herod., I, 215). Соответствующее описание способа сражения и вооружения массагетов имеется у Страбона: «[Массагеты] — прекрасные конные и пешие воины; вооружены луками, мечами, панцирями и медными секирами; в битвах носят золотые пояса и головные повязки; кони у них — златоуздые и в золотых перевязях» (XI, 8, 6).

9. *Сообщение о металлах массагетов.* «Железом и серебром [массагеты] не пользуются совсем, так как [этих металлов] нет в их земле; золото же и медь, [напротив, имеются] в изобилии (Herod., I, 215). Соответствующее сообщение имеется у Страбона: «Серебра их [земля] не производит, железа — мало, но меди и золота — в изобилии» (XI, 8, 6).

10. *Описание брачных обычаев массагетов.* Начинается эта часть словами: «Хотя каждый женится на одной женщине. . .»; кончается словами: «. . . сообщается безбоязненно» (Herod., I, 216). Соответствующее известие имеется у Страбона: «Каждый женится на одной [женщине], но пользуются и [женами] других, [притом] не тайно; сообщающийся

⁶ Aristot., Meteor. II, 1, 10, Sp. Basil. Caes., Hex. IV, 4.

⁷ Plut., De prov. Alex., I, 10 = Zenob., cent. V, 25.

с чужой [женой] вешает [свой] колчан на повозке и сообщается явно» (XI, 8, 6). Такое же известие есть у Элиана: «Массагеты. . . вешают перед собой колчан, и затем мужчина открыто сходится с женщиной и, хотя бы все их видели, не обращают на это никакого внимания» (N. A., VI, 60). Близкое сообщение дает Диоген Лаерций: «Массагеты. . . имеют общих жен. . .» (IX, 83).

11. *Описание погребальных обычаев массагетов.* Начинается эта часть словами: «Предела жизни у них никакого другого не полагается, [кроме следующего]. . .»; кончается словами: «. . . считая несчастьем, что ему не пришлось быть убитым» (Herod., I, 216). Соответствующее сообщение имеется у Страбона: «Наилучшей смертью у них признается такая, когда престарелые бывают изрублены вместе с бараньим мясом и вперемежку [с ним] съедены. Умерших же от болезни выбрасывают как нечистых и достойных съедения зверями» (XI, 8, 6). Близкое сообщение дает Порфирий, которого дословно повторяют Евсевий, Памфил и Иероним: «Рассказывают, что массагеты и дербики считают несчастнейшими родственников, умерших естественной смертью. Поэтому, предупреждая [ее], они закалывают в жертву и поедают состарившихся близких»⁸.

12. *Сообщение о занятиях и пище массагетов.* «Они ничего не сеют, питаются домашними животными и рыбой (которая в изобилии добывается ими из реки Аракс); пьют они молоко» (Herod., I, 216). Соответствующее сообщение имеется у Страбона: «Жители равнин, хотя и владеют землей, не занимаются земледелием, но питаются бараниной и рыбой, подобно кочевникам и скифам» (XI, 8, 7). Близкое сообщение дают Дионисий Периегет и его латинские переводчики: «Они не знают ни дара Вакха, ни даяний Деметры⁹, а пьют молоко, смешанное с конской кровью»¹⁰.

13. *Сообщение о верованиях массагетов.* Начинается эта часть словами: «Из богов чтут только солнце. . .»; кончается словами: «. . . быстреешему из всех богов посвящают быстрейшее из смертных существ» (Herod., I, 216). Соответствующее сообщение имеется у Страбона: «Божеством они почитают одно только солнце и приносят ему в жертву коней» (XI, 8, 6).

Наконец, у Страбона есть общий перечень разных групп массагетов: «О массагетах говорят так, что одни из них населяют горы, некоторые — равнины, другие — болота, которые образованы реками, другие — острова на болотах» (XI, 8, 6). С этого перечня Страбон начинает описание массагетов и затем о каждой из четырех групп говорит более подробно. Так что данный перечень является у него просто обобщением дальнейшего повествования.

Рассмотрим теперь вопрос об источниках приведенных сообщений Геродота и родственными им сообщений других авторов. На этот счет высказывались различные мнения. Ф. Якоби выдвинул и обосновал положение о том, что источником Геродота здесь была «Периегеса» Гекатея Милетского (конец VI в. до н. э.), дополненная кое-где, для незначительных вариантов, другими сочинениями того же рода¹¹. Это положение было воспринято и развито далее последующими учеными, например А. Геррманом и Ю. Юнге; они считали, что к Гекатею восходят не только сообщения Геродота, но и аналогичные сообщения Страбона, который, как они полагали, заимствовал у Гекатея независимо от Геро-

⁸ Porphyg., De abstin. IV, 21; Euseb. Pamph., Praep. Evang. I, 4, 7; Euseb. Hier., Adv. Iovin. II, 7.

⁹ То есть не знают плодов ни виноградарства, ни хлебопашества.

¹⁰ Dion. Per., 742—745; Prisc., 720—721; Avien, 919—922.

¹¹ Jacoby, Herodotos (7). RE, Suppl. Ht. 2, 1913, стб. 426; ср. Jacoby, Hekataios (3), RE, Bd. VII, 1912, стб. 2682.

дота и в некоторых случаях передал текст Гекатея более точно, чем Геродот¹². В дальнейшем многие исследователи, не касаясь специально этого вопроса, уже более или менее уверенно возводили указанные сообщения Геродота и Страбона к Гекатею¹³.

В каком же отношении находится весь круг рассматриваемых сообщений к сочинению Гекатея? Судить с достаточной полнотой об отношении Геродота к Гекатею мешает то обстоятельство, что сочинения последнего сохранились лишь во фрагментах. Геродот, безусловно, знал и использовал сочинения Гекатея, но степень зависимости первого от второго, как нам кажется, нередко переоценивают¹⁴. Геродот, видимо, избегал просто переписывания у своего известного предшественника и приводил его свидетельства преимущественно тогда, когда имел возможность в чем-то дополнить или поправить его. В данном случае дело обстоит так. Упоминаний о массагетах в сохранившихся фрагментах сочинений Гекатея не имеется¹⁵, хотя вообще вполне возможно, что Гекатей говорил о массагетах. Можно было бы думать, что Гекатей давал и периегесу Каспийского моря, так как в одном из фрагментов встречаются слова: «Вокруг (περι) так называемого Гирканского [т. е. Каспийского] моря. . .», — но, судя по дальнейшему содержанию фрагмента, Гекатей говорил преимущественно о южном побережье моря (Нес., fr. 291, Jacoby); характерно, что именно об этом побережье у Геродота нет ни слова. Гекатей говорил и об Араксе, о Каспийском море, о Кавказе и, по-видимому, о равнине массагетов, но все это, как мы покажем ниже, совсем нельзя свести к Геродотовой периегесе.

Вряд ли можно сомневаться в том, что большинство сведений для вставок в рассказ о походе Кира на массагетов Геродот черпал не из того же источника, из которого он узнал о самом походе Кира. Но из какого именно источника взял он свой материал, нельзя сказать с такой же определенностью. Геродот в рассматриваемом тексте дает восемь ссылок. Но все эти ссылки неопределенны: «говорят» (λέγουσι, φασί, I, 201—203, 216); лишь в двух случаях (ссылки с полемической окраской) указывается, что «говорят некоторые» (οἵτινες) или «эллыны» (I, 201, 216). Известно, что слово «говорят» у Геродота отнюдь не обязательно означает ссылку на устный источник¹⁶. И все же в данном случае многие ссылки производят впечатление указаний именно на устное сообщение, особенно тогда, когда явно имеются в виду несколько лиц, сообщающих противоречивые сведения. Об этом мы еще будем говорить ниже. Страбон, оценивая источники сведений о массагетах, восходящих в конечном счете к Геродоту, говорит, что эти сведения не дают о массагетах ничего точного и истинного, так как авторы их, заботясь лишь о занимательности, под видом «истории» (т. е. сведений, добытых путем расспросов) излагали

¹² А. Неггманн, *Alte Geographie des unteren Oxusgebiets*, В., 1914, стр. 13—17; J. Jungé, *Saka—Studien*, Lpz, 1939, стр. 21—32. Впоследствии Геррман считал таким общим источником Геродота и Страбона известия другого новшиского писателя, Дионисия Милетского: Неггманн, *Massagetar*, RE, Bd. XIV, 1930, стб. 2124.

¹³ См., например: W. В. Ненниг, *Zoroaster, Politician or With-doctor?* L.—Oxf., 1951, стр. 23; С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, М., 1948, стр. 219; он же, *По следам древнехорезмийской цивилизации*, стр. 97; ср., однако: В. В. Бартольд, *Сочинения*, т. III, М., 1965, стр. 297—298.

¹⁴ См. также J. V. Праšek, *Hekataios als Herodots Quelle zur Geschichte Vorderasiens*, «Klio», IV, 1904, стр. 208.

¹⁵ Предположение о том, что Гекатей упоминал массагетов под названием «матикеты» (Ματικῆται — Нес., fr. 189, Jacoby; см. L. Pearsons, *Early Ionian Historians*, Oxf., 1939, стр. 63), неубедительно (ср. FGH, I, стр. 350).

¹⁶ Иногда полагают, что ссылки Геродота в данном случае всюду имеют в виду Гекатея: см. Jacoby, *Herodotos*, стб. 426.

«то, чего никогда не видели и о чем не слышали или во всяком случае слышали не от людей осведомленных» (XI, 6, 2—3). Эта оценка, принадлежащая Страбону, конечно, несправедлива и зависит она от общей установки Страбона по отношению к Геродоту и подобным ему историкам. Но здесь важно отметить, что слова Страбона об источниках Геродота имеют в виду, очевидно, устные сообщения.

Страбон в рассматриваемом тексте дает такие ссылки. В одном сообщении он заявляет, что заимствует у тех «многих» (πολλοί), которые «постоянно повторяют» (φρῶλοσι) о массагетах, показавших свое мужество в борьбе с Киром (XI, 8, 6). В другом сообщении он ссылается на наиболее ранних из «древних эллинских писателей» (οἱ παλαιοὶ τῶν Ἑλλήνων συγγραφεῖς), которые рассказывали о войне Кира с массагетами; из дальнейших слов явствует, что Страбон имел в виду Геродота и Гелланника (XI, 6, 2—3). Наконец, в третьем сообщении он прямо ссылается на Геродота и отмечает, что у Геродота заимствовал Каллисфен (XI, 14, 13). Таким образом, сам Страбон как на первоисточник рассматриваемых сообщений указывает на Геродота. Во всяком случае Гекатей здесь исключается: его «Периегеса», — в сущности, пояснительный текст к географической карте, вряд ли содержала рассказ о войне Кира с массагетами. Указания Страбона подтверждаются тем общим впечатлением, которое дает сопоставление рассматриваемых сообщений Геродота и Страбона (особенно первого из сообщений Страбона, наиболее пространного): сообщение Геродота — оригинал, повествующий о разных народах и странах, хотя и связанный с рассказом о походе Кира на массагетов; сообщение Страбона — обработка этого оригинала, как бы конспект его, несколько сокративший и «систематизировавший» оригинал, причем в процессе обработки получилось так, что сведения, у Геродота отнесенные к разным народам (например, к жителям Кавказа), у Страбона оказались отнесенными к одним только массагетам¹⁷. Обо всем этом мы еще будем говорить ниже. Путь, которым сообщения Геродота дошли до Страбона, был сложен. Первые два сообщения Страбон непосредственно заимствовал, видимо, у Эратосфена¹⁸. Во всяком случае в первом из них заметны явные следы приспособления данных Геродота к Эратосфеновой географии. До Эратосфена они в свою очередь дошли через посредников. Первое сообщение Эратосфен заимствовал, возможно, у Эвдокса Родосского, своего современника: последний располагал независимыми сведениями о массагетах и за счет этих сведений, видимо, несколько «подновил» данные Геродота¹⁹.

¹⁷ Иногда можно наблюдать и обратное: то, что Геродот сообщает о массагетах, отнесено к жителям Кавказа, см. Strabo, XV, 1, 56.

¹⁸ См., например, Jungé, ук. соч., стр. 26; FGH, I, стр. 473—474; III С, стр. 534.

¹⁹ Это сообщение Страбона — Эратосфена, содержащее описание массагетов, непосредственно продолжено замечанием об отдельных массагетских племенах, в том числе апасиаках. Очевидно, все это (Strabo, XI, 8, 6—8) восходит к одному автору. Определяя этого автора, нужно учесть следующее. Об апасиаках, как это считалось уже в поздней древности, говорили лишь два известных автора — Полибий и Страбон (Polyb., X, 48; Strabo, XI, 8, 8; Steph. Byz., s. v. Ἀπασιακαί). Полибий, видимо, в связи с сообщением о бегстве «Арсака» к апасиакам от Антиоха Великого (см. об этом: А. Г. Бокщанин, Парфия и Рим, М., 1960, стр. 203, прим. 160) давал экскурс, содержащий описание страны апасиаков и способов, какими апасиаки с лошадьми переправляются посуху через Окс в Гирканию (Polyb., X, 48). Страбон сообщает о бегстве «Арсака» к апасиакам от Селевка Каллиника (XI, 8, 8), а также о некоей реке Гиркании (речь идет скорее всего о том же Оксе; Окс течет по Гиркании и впадает в море — XI, 7, 3), через которую способом, описанным у Полибия (о связи соответствующих описаний Страбона и Полибия см., например, J. M a r k w a r t, Die Sogdiana des Ptolemaios, Or., XV, 1946, стр. 135—136), могут переправляться посуху отряды воинов (Эвдокс у Strabo, XI, 7, 5). Очевидно, в основе сообщений Полибия и Страбона — Эратосфена лежат данные Эвдокса.

Правда, то новое, что принадлежит Эвдоксу (?), подано им в сильно «литературенном» виде, будучи приспособлено к повествованию Геродота, а частью и просто сочинено по Геродотовым образцам. Второе сообщение Эратосфен взял скорее всего у Гелланика Митиленского, младшего современника Геродота, много заимствовавшего у последнего²⁰. Наконец, третье сообщение, идентичность которого с первыми двумя сам Страбон не замечал, дошло до Страбона, видимо, через посредство Каллисфена; именно на это могут указывать слова: «Каллисфен последовал за [Геродотом]»²¹.

Дионисий свое повествование о массагетах явно заимствовал у Геродота. Оно является как бы очень сжатым резюме всего рассказа Геродота о походе Кира на массагетов: указание Дионисия на место обитания массагетов соответствует периегесе Каспийского моря у Геродота; замечание Дионисия о воинственности массагетов и их жестокости к пришельцам соответствует изложению событий самого похода на массагетов у Геродота; наконец, краткое описание массагетов Дионисия соответствует описанию массагетов, которое мы находим у Геродота. К этой основе Дионисий добавил лишь очень незначительные дополнения.

Остальные авторы или дают неопределенные ссылки «рассказывают» (*ιστοροῦνται*)²², или ссылаются на Геродота²³ и на Эвдокса²⁴, но последний, как мы уже отмечали, сам заимствовал у Геродота.

Итак, авторы рассматриваемых сообщений свидетельствуют, прямо или косвенно, о том, что сведения их восходят в конечном счете к Геродоту. Сам же Геродот, видимо, в основном заимствовал из устных источников.

Остановимся на определении источников отдельных сообщений рассматриваемых текстов. При этом мы будем учитывать и другие свидетельства на ту же тему; в ряде случаев возможна литературная связь этих сообщений с указаниями Геродота и зависимых от него авторов, хотя определить характер такой связи обычно трудно.

1. Общее описание массагетов. 2. Описание Аракса и его островов, людей, живущих на островах. 7—13. Описание массагетов. Сюда же нужно присоединить указания об Араксе и массагетах отмеченного выше рассказа Геродота о происхождении скифов.

Основной источник этих сообщений Геродота указывается ссылками: «говорят» (*λέγουσι*) о многочисленности и храбрости массагетов и месте их обитания за Араксом; «говорят» (*λέγουσι*) об Араксе, сравнивая его с Истром; «говорят» (*φασί, λέγουσι*) об островах на Араксе и о лю-

Эвдокс, описывая Гирканию, видимо, упоминал и о соседних апаснаках и связанных с ними новейших событиях: бегстве «Арсака» от Селевка Каллиника. В той же связи он говорил и о способах переправы апаснаков через Окс, отделявший их от Гиркании (о наличии у Эвдокса подобного рассказа, как видим, прямо свидетельствует Страбон — XI, 7, 5), и о стране самих апаснаков — это заимствовал Полибий для своего экскурса. Говоря об апаснаках-массагетах, Эвдокс приводил и сведения древних писателей о массагетах (о наличии в сочинении Эвдокса описания массагетов, составленного в духе Геродота, имеются прямые указания в источниках: Diog. Laert., IX, 83) — это заимствовал Эратосфен для интересующего нас описания массагетов (Strabo, XI, 8, 6—7).

²⁰ Это сообщение не сводится к данным одного Геродота. Есть основание считать, что сообщения Страбона — Эратосфена о скифских народах, сопровождаемые ссылкой на Геродота и Гелланика, вообще прошли через руки Гелланика (или также и Эвдокса), ср. Strabo, XII, 3, 21.

²¹ Здесь Страбон, цитируя Геродота, приписывает последнему не принадлежащие ему слова. Очевидно, эта цитата взята из сочинения посредника, видимо Каллисфена, который и соединил данные Геродота с данными другого автора.

²² Porphyr., De abstin. IV, 21; Euseb. Pamph., Praep. Evang. I, 4, 7.

²³ Aelian, N. A., VI, 60.

²⁴ Diog. Laert., IX, 83.

дах, живущих на островах; «эллины» и «варвары» вместе «сообщают рассказ» (λόγος) о происхождении скифов; возможно, подобная же ссылка подразумевается в описании массагетов. Кем были все эти «рассказывающие» «эллины» и «варвары»? Очевидно, жителями Северного Причерноморья, прежде всего греческими и скифскими купцами Ольвии²⁵, которую Геродот посетил в период между 454 и 444 гг. до н. э., прибыв туда, по-видимому, из Самоса²⁶. Именно от этих купцов Геродот и получил большинство своих сведений о скифских народах. Судя по тому, что в повествовании Геродота Аракс сравнивается с Истром (причем, видимо, несколькими людьми: одни считали Аракс больше Истра, другие — меньше), а «острова» его — с Лесбосом, информаторами Геродота были люди, скорее всего, сами видевшие как Аракс и его «острова», так и Истр и Лесбос. Действительно, на время путешествия Геродота в Ольвию (и до 439 г. до н. э.) падает расцвет торговли Ольвии с Самосом и Лесбосом²⁷; купцы при этом плыли вдоль западных берегов Понта, мимо устьев Истра.

Другой источник мог иметься в виду под словами: «некоторые говорят» (λέγουσι), что массагеты — скифский народ. Замечание это выглядит как ссылка на чье-то чужое мнение, с которым Геродот не согласен; действительно, судя по Геродотову определению территории скифов (IV, 21, 57), массагеты не должны считаться скифским народом. Здесь вполне мог подразумеваться Гекатей²⁸ (хотя и не обязательно он). Гекатей, действительно, называл скифскими все племена северо-востока экумены, в том числе исседонов²⁹. Но вообще это замечание выглядит изолированным в тексте Геродота и скорее противопоставлено остальному его содержанию.

Наконец, еще какие-то сведения подразумевают слова: «эллины говорят» (φασί), приписывая скифам то, что относится к массагетам. Здесь, очевидно, Геродот имеет в виду какие-то действительно ходячие среди греков представления о «скифах» вообще, которые он, опираясь на свои основные источники, имел возможность уточнить. Это, надо думать, были рассказы об общности жен и детей у скифов; такие рассказы были составной частью традиции, идеализирующей скифов, и действительно широко распространенной среди современников Геродота³⁰. Впоследствии

²⁵ Показательна также ссылка Геродота в рассказе о происхождении скифов на курган близ Тираса, который «можно видеть и ныне» (IV, 11). Об устных первоисточниках данных сообщений Геродота см. Неггманн, *Alte Geographie...*, стр. 12—13. Якоби, считающий источником рассматриваемых сообщений Геродота сочинение Гекатея, рассказ о происхождении скифов (третий) признает независимым от Гекатея и основанным на устных сообщениях, см. Jacoby, *Herodotos*, стб. 431. Об источниках рассказа о происхождении скифов (третьего) см. также С. А. Жебелев, *Северное Причерноморье*, М.—Л., 1953, стр. 335. Высказывалось предположение о заимствовании Геродотом сведений о массагетах и исседонах из поэмы Аристия Прокопнеского, см. J. D. P. Bolton, *Aristeas of Proconnesus*, Oxf., 1962, стр. 104 (но ср. стр. 178). Однако Аристей вообще вряд ли знал о массагетах. Предполагалось и искусственное происхождение указания на соседство массагетов с исседонами, которое возникло якобы в результате ошибочных картографических комбинаций, см. Неггманн, *Massagetai*, стб. 2125. Однако нет никаких оснований выделять это указание из общего описания массагетов и предполагать для него особый источник.

²⁶ Жебелев, *ук. соч.*, стр. 315—317.

²⁷ И. Б. Брашинский, *Новые данные о торговле Ольвии с Самосом, КСИИ*, вып. 109, 1967, стр. 24—25. Ср. также Thuc., III, 2, 2.

²⁸ См., например, Jacoby, *Herodotos*, стб. 426; он же, *Hekataios*, стб. 2682; FGH, I, стр. 352; Pearson, *ук. соч.*, стр. 63.

²⁹ Нес., fr. 193, Jacoby.

³⁰ И. В. Кукина, *Ἄβροι* в античной литературной традиции, ВДИ, 1969, № 3, стр. 120—130.

эти рассказы были поставлены в связь с платоновскими социальными идеалами (Strabo, VII, 3, 7).

Сообщение Геродота о том, что массагеты обитают за Араксом, повторяют Дионисий³¹ и Филострат. Дионисий добавляет к данным Геродота лишь эпитет для Аракса — «шумящий» (*κελάδοντος*). Повод для этого добавления дало распространенное в античном мире толкование слова Ἀράξης как производного от ἀρασσειν «разбивать» (имеется в виду: «с разбивающимися волнами»). Филострат в отличие от Геродота помещает массагетов и исседонов за Истром. Повод для такого изменения мог дать сам Геродот, который здесь же сравнивает Аракс с Истром. Но авторы римского времени уже с I в. н. э. действительно считают массагетов обитающими за Истром³²; это, очевидно, связано с широкими переходами значения названия «массагеты» в то время (например, «массагеты» — «геты»).

Рассказ Геродота о происхождении скифов, в котором фигурируют Аракс и массагеты, соответствует аналогичному рассказу Диодора, где также упоминает Аракс, хотя о массагетах ничего не говорится (II, 43, 2). В своем рассказе Диодор использовал ту же версию предания о происхождении скифов, восходящую, видимо, к тому же источнику, как и у Геродота, но независимую от последнего³³.

Сообщение Геродота об островах Аракса и их обитателях повторяет Страбон. Этот автор говорит об «островах в болотах» и о людях, живущих на островах. Содержание и порядок изложения у Страбона в основном соответствуют тексту Геродота, хотя Страбон повествует более сжато, чем Геродот. Но имеются и некоторые отличия. Упоминание о болотах в данной связи появилось у Страбона явно в результате совмещения Аракса, имеющего острова, и Аракса, вливающегося в болота, — о том и другом говорится у Геродота. Сообщение Страбона об одежде жителей островов Аракса, возможно, появилось под влиянием аналогии — сообщения Геродота об одежде жителей болот Аракса. Видимо, сказалось здесь и влияние сообщения Геродота об одежде жителей болотистой дельты другой реки на окраине экумены, которые также питались сырой рыбой (III, 98). Но краткое замечание Страбона о питье жителей островов, соответствующее рассказу Геродота о возжигании опьяняющих плодов, явно противопоставлено последнему: наркотическое средство, по Страбону, надо думать, пьют, а по Геродоту — вдыхают. Здесь источником Страбона (Эвдоксом?) использовано какое-то новое известие.

Зато Максим Тирский, повествуя о каком-то племени, которое он не вполне уверенно называет скифским (действительно, Геродот говорит лишь о людях, живущих на островах), передает рассказ, во всем основном соответствующий рассказу Геродота о возжигании опьяняющих плодов³⁴.

Сообщение Геродота о способе сражения и вооружении массагетов также повторяет Страбон. Повествование последнего по содержанию и порядку изложения почти во всем соответствует рассказу Геродота, но имеет и небольшие отличия. Страбон опускает упоминание о копьях, но вводит сообщение о мечах (*μάχαιρα*) и панцирях (*θώραξ*); правда, и Геродот говорит о кинжалах (*ἐγχέριδιον*), применявшихся в битве массагетов с персами (I, 214), а также о панцирях (*θώραξ*), надеваемых массагетами на лошадей. Страбон сообщает о головных повязках (*διάδημα*),

³¹ Неггманн, *Alte Geographie...*, стр. 21, прим. 5.

³² См., например, Лусан, *De bello civ.*, II, 50.

³³ См., например, М. И. Артамонов, К вопросу о происхождении скифов, ВДИ, 1950, № 2, стр. 41.

³⁴ М а х и м. Т у р., XXVII, 4, 6.

а Геродот говорит просто о головных уборах (*τα περι κεφαλῆν*). Очевидно, близок Страбону в данном случае Лукан, упоминающий об «аримаспе» (вместо «массагет»?; последний упоминается рядом), который идет в бой, подвязав волосы золотой повязкой³⁵.

Дионисий, ничего не сообщая о прочем вооружении массагетов, говорит о них лишь как о «натягивающих [луки] с быстрыми стрелами»³⁶; Геродот же характеризует массагетов как «лучников и копыеносцев». Очевидно, ближе к Дионисию сообщение Симмия Родосского: «Массагеты, ездящие на быстрых конях, вооруженные скорострельными луками»³⁷.

Сообщение Геродота о металлах массагетов повторяет Страбон. И на этот раз в тексте Страбона мы находим интересную деталь, отсутствующую у Геродота: железо имеется в земле массагетов, хотя его и мало; по Геродоту, железа у массагетов нет совсем. Очевидно, и здесь источником Страбона (Эвдоксом?) использовано новое известие.

Сообщение Геродота о брачных обычаях массагетов повторяют Страбон, Диоген и Элиан. При этом Диоген ссылается на Эвдокса и, следовательно, имеет общий со Страбоном источник. Элиан же ссылается прямо на Геродота. Следует отметить, что сообщение Геродота об открытом сношении массагетов с женщинами в передаче Страбона и особенно Элиана приобретает несколько иной оттенок: они сносятся не только безбоязненно, но и на глазах у всех. В этом, по-видимому, нет необходимости видеть след какого-то самостоятельного источника; скорее всего это результат ассоциации данного сообщения Геродота с его же сообщением об обычаях жителей Кавказа³⁸.

Сообщение Геродота о погребальных обычаях массагетов повторяют Страбон и Порфирий. Текст Страбона опять дает новую деталь: умерших от болезни массагеты выбрасывают зверям; Геродот же говорит о том, что их предают земле. И здесь, видимо, перед нами новое известие, использованное источником Страбона (Эвдоксом?). Порфирий, упомянув рядом с массагетами дербиков, имеет в виду описание, действительно, очень близкое описанию погребальных обычаев массагетов. Указанное сообщение о дербиках приводят несколько авторов, а восходит оно, по-видимому, к Ктесию. Последний, безусловно, был знаком с геродотовым описанием массагетов, но в его сообщении не все сводится к известиям Геродота. Рассказ о дербиках соответствует рассказу Геродота, но в него введены некоторые новые детали: сообщается точный возраст убиваемых стариков — 70 лет, а также говорится о смерти старух того же возраста — их душат, а затем предают земле (тогда как стариков закалывают и поедают)³⁹.

В то же время среди греков ходили рассказы о каких-то скифах, которые поступали точно так же, как и геродотовы массагеты: стариков закалывали, а умерших в молодости закапывали в землю, но возраст убиваемых стариков у них был определен в 60 лет⁴⁰. Эта версия была

³⁵ Lucan., De bello civ. III, 281.

³⁶ Dion. Per., 740; Avien., 916.

³⁷ Simmias Rhod., fr. 1, Düntzer.

³⁸ Высказывалось предположение о том, что Элиан дал самостоятельную версию о массагетах, восходящую к Демокриту, а не к Геродоту, см. С. Я. Лурье, Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования, Л., 1970, стр. 548. Но ссылка в этой связи на сообщение пармиографов о массагетах не убеждает; последнее само восходит в конечном счете к Геродоту (об этом мы будем говорить ниже).

³⁹ Strabo., XI, 11, 8; Aelian., V. H., IV, 1.

⁴⁰ Sext. Emp., Pyrr. III, 210, 228; Philostr., V. A., VI, 20.

достаточно древней, так как уже Гелланик, видимо, использовал ее для описания своих гипербореев⁴¹.

Сообщение Геродота о занятиях и пище массагетов повторяют Страбон и Дионисий. Страбон дополняет описание Геродота утверждением о том, что хотя массагеты сами земледелием не занимаются, «землей» (уφρα, может быть, имеется в виду «земледельческая область», «деревня»), все же владеют. Дионисий, пересказывая данное сообщение Геродота, имел в виду, несомненно, не только его описание массагетов, но и рассказ того же автора о походе Кира на массагетов; именно там массагеты представлены как люди, совсем не знакомые с вином⁴². Кроме того, Дионисий дополняет описание Геродота, сообщая о том, что массагеты пьют молоко, смешанное с конской кровью; Геродот говорит лишь, что массагеты пьют молоко. О таком специфическом напитке массагетов, действительно, говорят авторы римского времени с I в. н. э.⁴³ Но тот же напиток приписывают гелонам⁴⁴ и просто скифам⁴⁵. Очевидно, и слово «массагеты» имеет в данном контексте такое же широкое и условное значение, как «гелоны» и «скифы». Возможно, что первоначально это сообщение относилось к сарматам, которые якобы употребляли в пищу кашу или муку, смешанную с кобыльим молоком или кровью из голених жил лошадей⁴⁶.

Наконец, сообщение Геродота о верованиях массагетов повторяет Страбон. Последний говорит то же самое, что и Геродот, лишь опуская слова о смысле жертвы Солнцу.

Упоминание Максима Тирского о том, что массагеты считают божеством реку Танаис (VIII, 8), намекает, возможно, на какое-то сообщение о верованиях массагетов, сознательно противопоставленное сообщению Геродота (в котором утверждается, что массагеты признают божеством только Солнце). Известие, использованное Максимом, появилось не ранее того времени, когда античные авторы могли связать массагетов с Танаисом, т. е. не ранее восточных походов Александра Македонского.

3. *Описание Аракса, его рукавов и болот, жителей болот, отдельного рукава.* Сюда же нужно присоединить сообщение Геродота об Араксе и Каспийском море как границе Азии.

Здесь Геродот дает лишь одну ссылку: «говорят» о людях, обитающих в болотах Аракса. Возможно, что и в данном описании Геродот пользовался устными рассказами. К ним могли бы восходить сообщения о жителях болот Аракса. Но несомненно, что здесь Геродот использовал сочинения Гекатея в гораздо большей степени, чем в сообщениях, рассмотренных перед этим. К Гекатею должно восходить указание на Аракс и Каспийское море как на границу Азии, а также, по-видимому, сообщения о том, что Аракс вытекает из страны матиенов⁴⁷, течет на восток и впадает в Каспийское море.

О том, что Гекатей действительно трактовал об Араксе как границе Азии, свидетельствует следующий фрагмент: «Мики. Народ, о котором

⁴¹ H e l l a n i c., fr. 187b, Jacoby.

⁴² H e r o d., I, 207, 211, 212.

⁴³ См., например, L u c a n., De bello civ., III, 282—283, S t a t i u s, Achill. I, 307—308.

⁴⁴ V e r g., Georg. 459—461.

⁴⁵ C l e m. A l e x., Paedagog. III, 3, 24.

⁴⁶ P l i n., NH., XVIII, 100; ср. L u c a n., De bello civ., 282—283.

⁴⁷ В этом сообщении страна матиенов, очевидно, понимается так, как представлял ее Гекатей: это страна, простирающаяся от гордиев до колов (точнее, мосхов) (H e c., fr. 287, fr. 288, Jacoby), т. е., видимо, XVIII сатрапия, включавшая земли собственно матиенов, саспиров и алародиев (H e r o d., III, 94).

Гекатей в [описании] Азии [говорит]: «от миков до реки Аракса» (fr. 289, Jacoby). Чтобы полнее представить себе рассуждения Гекатея на эту тему, следует привлечь также некоторые данные Геродота, заимствованные им у Гекатея⁴⁸. В целом картина получается такова. Азия делится на две половины — восточную и западную, а последняя в свою очередь — на два «мыса», или «полуострова» (ἡμί) — северный и южный. Самая западная часть восточной половины Азии ограничивается: на севере — рекой Аракс, текущей на восток, и Каспийским морем, на юге — Эрифрейским морем в том месте, где близ него живут мики⁴⁹. Самая восточная часть западной половины Азии ограничивается: на севере — рекой Фасис, у которой живут колхи, и Понтийским морем, на юге — Эрифрейским морем в том месте, где близ него живут персы. Указанные северные пределы обеих половин Азии являются в то же время границей Азии и Европы. Соответствующие положения Гекатея дошли до нас в передаче Эратосфена. Последний замечает, что те ученые, которые считали материки полуостровами, разграничивали их перешейками, в частности перешейком между Каспийским и Понтийским морями⁵⁰. Агафемер, повторяя Эратосфена, говорит, что существовало мнение, согласно которому границей Азии и Европы служит река Фасис и перешеек до Каспийского моря⁵¹. Возможно, что с этим же воззрением связано несколько необычное представление, засвидетельствованное у Эратосфена и Аполлония Родосского, двух современников и земляков (оба были связаны с Александрией Египетской) о соединении Фасиса и Аракса через реку Лик, которая, якобы отклоняясь от Аракса, сливалась с Фасисом⁵². Эратосфен специально описывал границу Европы и Азии, видимо, в рассказе о пути от Амиса до Бактр, также восходящем к Гекатею⁵³. Первый участок этого пути, от Амиса до Каспийского моря, как раз и соответствует указанному выше отрезку северной границы Азии (на стыке двух ее половин): сначала плавание по Понту, от Амиса до Колхиды, затем путь (который назван в одном случае ὑπερφορέσις — «восхождение», в другом случае ὑπερβασις — «перевоз») к Гирканскому (или Каспийскому) морю; направление пути — все время на восток⁵⁴.

Как согласовать это представление об Араксе с другими указаниями Гекатея относительно границ Азии и Европы? Сохранилось одно сообщение Гекатея, которое следует понимать так, что границей материков этот автор считал реку Фасис, соединяющуюся с Океаном⁵⁵. Другие сообщения Гекатея заставляют предполагать, что границей Азии и Европы

⁴⁸ Herod., IV, 36—41; FGH, I, стр. 354—355, 364.

⁴⁹ О миках в связи с Эрифрейским морем см. также Herod., III, 93.

⁵⁰ Eratosthen., fr. II C, 22, Berger.

⁵¹ Agathem., Geogr. hypot. 3.

⁵² Eratosthen., fr. III B, 76, Berger; Apoll. Rhod., IV, 131—135; P. s.—Orph., 744—756. Ср. Eratosthen., fr. III B, 84, Berger; Strabo, XI, 14, 7.

⁵³ И. В. Пьянков, Хорасмии Гекатея Милетского, ВДИ, 1972, № 2, стр. 7.

⁵⁴ Eratosthen., fr. III A, 2, 11, Berger.

⁵⁵ Hec., fr. 18a, Jacoby. Предлагалось такое согласование данного сообщения с утверждением о границе по Араксу: Гекатей якобы имел в виду путь от Понта по Фасису в Каспийское море, затем по каспийскому рукаву Аракса и самому Араксу в Океан, см. Jung, ук. соч., стр. 27—28. Но слова, сохранившиеся в указанном фрагменте, не дают никакого основания предполагать столь сложный путь. Кроме того, такая реконструкция пути во многих моментах или вообще не находит подтверждения в источниках, или подтверждается лишь при очень вольном толковании их (например, сообщения: Apoll., Periopl. Pont. Eux., 49; последнее вообще принадлежит иному кругу известий, ср. Aristot., Meteor. I, 13, 15—16; Dion. Per., 733—738 и другие схожие сообщения).

он считал скорее всего реку Танаис ⁵⁶. Мы предлагаем согласовать все эти разноречивые данные следующим образом. В одном своем сочинении, в «Генеалогиях», в рассказе об аргонавтах Гекатей еще придерживался традиционного ионийского представления, зафиксированного на карте Анаксимандра: границей Азии и Европы является Фасис, непосредственно соединяющийся на востоке с Океаном. В другом сочинении, в «Периегесе», где Гекатей давал новую картину мира, дополнив карту Анаксимандра современными сведениями, значительно расширившими кругозор греков ⁵⁷, границей Азии и Европы был признан Танаис; прежнее представление о границе материков оказалось несовместимым с новыми данными, и Гекатей, возможно, прямо критиковал его ⁵⁸. Среди новых данных, которыми располагал Гекатей, были сведения, почерпнутые им из сочинения Скилака Кариандского ⁵⁹. Последний, видимо, пытался примирить традиционные ионийские представления о Фасисе как границе Азии и Европы с добытыми им самим сведениями об Араксе и Каспийском море. В сообщениях Эратосфена и Агафемера (на них мы уже ссылались выше), касающихся установления границ между материками, противопоставлены два мнения, причем первое признается более ранним: одни ученые считали границей Азии и Европы Фасис и перешеек до Каспия, называя материки полуостровами, другие считали границей Танаис и Меотиду. Возможно, что все это рассуждение Эратосфена основано на тексте Гекатея, где Гекатей цитировал Скилака, не соглашаясь, однако, с ним, и обосновывал свой тезис о границах материков. Таким образом, приведенные выше сообщения Геродота об Араксе, признанные заимствованными из литературного источника, а также связанные с ними известия о границах материков и о пути от Амиса до Бактр, восходят через Гекатея к Скилаку ⁶⁰.

Скилак, совершивший обезд отдаленных пределов Персидского царства по заданию Дария, естественно, должен был во многом отразить местные, особенно персидские, географические воззрения. Действительно, в Авесте сохранилось перечисление частей мира, в том числе земного мира, где названы семь материков (каршваров), море Ворукаша, [восточная река и западная река], ауда Рангхи и санака Рангхи, край «этой земли» и середина «этой земли» (иногда переводят: углы «этой земли» и край

⁵⁶ Н е с., гл. 193 (для исправления здесь Ἀσία на Εὐρώπη — нет оснований), гл. 241—246, Jacoby. Предлагалось следующее согласование данных сообщений с утверждением о границе по Фасису: Гекатей якобы называл Фасисом Гианис (Кубань), а Танаисом — пролив между Меотидой и Понтом, см. FGH, I, стр. 352—354. Ср., однако, Reardon, ук. соч., стр. 64. Следует сказать, что такое объяснение, хотя как будто и устраняет ряд противоречий, все же выглядит весьма искусственным. Предположение о том, что еще в VI—V вв. до н. э. названия «Фасис» и «Танаис» не имели точной географической фиксации, а второе не относилось к Дону, равно как и все подобные предположения о блуждании этих названий между Рионом и Доном, неубедительны. Греки уже в VII в. до н. э. достаточно хорошо знали устья не только Риона, но и Дона (Т. Н. Кн и п о в и ч, К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII—V веках до н. э., ИГАИМК, 104, 1935, стр. 90 сл.); названия для этих рек греки не придумывали сами, а заимствовали у местного населения с самого начала называя Танаисом именно Дон, а Фасисом именно Рион (Г. А. М е л и к и ш в и л и, Наименование города Фасиса и вопрос об этническом составе населения древней Колхиды, ВДИ, 1966, № 1, стр. 82 сл.).

⁵⁷ J a c o b y, Hekataios, стб. 2690.

⁵⁸ Н е с., гл. 18b, Jacoby. К. и Т. Мюллеры относят этот фрагмент к «Периегесе», см. FGH, I, стр. 13. Возможно, что текст этого фрагмента и не нуждается в исправлении.

⁵⁹ F. G i s i n g e r, Skylax (2), RE, Hlbd. V (R. 2), 1927, стб. 629.

⁶⁰ П ь я н к о в, ук. соч., стр. 9. О «персидской» карте Скилака, данные которой прослеживаются в сообщениях Геродота, см. также J. L. M y r e s, An attempt to reconstruct the Maps used by Herodotus, CJ, vol. VIII, 1896, № 6, стр. 623—624.

«этой земли»), всякое место «этой земли»⁶¹. Море Ворукаша обычно отождествляют с Каспийским морем. Река Рангха, которая в данном контексте фигурирует как один из пределов земли, видимо, соответствует реке Араксу. Значение слов *aoda-* и *sanaka-* неизвестно. Их переводят, например, как «исток» и «устье»⁶², как «воды» и «степь»⁶³, как «воды» и «[область] по ту сторону»⁶⁴, как «воды» и «исток»⁶⁵, и т. д. Не связаны ли эти слова с «болотами» (*ἐλεά*) «топиями» (*τενάρυα*) и «устьями» (*στόματα*) Аракса, о которых говорит Геродот? Заметим здесь, что в Авесте упоминается и отдельный рукав (ара́жара-) Рангхи (Yt. XV, 27). Наконец, выражение «на краю (*ura karānəm* или *ura vīmaīdīm*) этой земли» понимается как указание на край суши, берег южного моря⁶⁶. Таким образом, в Авесте, возможно, отразилось представление о Каспийском море, Араксе и Эрифрейском море как пределах Азии. Следует сказать, что засвидетельствованные в рассмотренном отрывке географические представления о пределах земли мало соответствуют обычным для Авесты воззрениям. Возможно, что это место было составлено или во всяком случае отредактировано в ахеменидское время.

Сообщение Геродота об Араксе, его рукавах и болотах, жителях болот, отдельном рукаве повторяет Страбон в двух сообщениях. В одном он говорит о «болотах, которые образованы реками», об Араксе и его рукавах, о людях, живущих в болотах, в другом — об истоках и рукавах Аракса. Страбон во всем следует Геродоту, однако первое его сообщение свидетельствует о том, что данные Геродота у него были введены в рамки Эратосфеновой географии; так, устья Аракса у него впадают не в болота, а в «другое, на севере [расположенное] море» (*ἡ ἄλλη ἢ πρὸς ἄρκτους θάλαττα*), — здесь имеется в виду, очевидно, северная часть внешнего моря, окружающего землю; Каспийское море названо «Гирканским заливом» (*ὁ κόλπος ὁ Ὑρκάνιος*), т. е. заливом того же внешнего моря. Все эти детали, введенные в повествование Геродота, характерны для географических представлений Эратосфена; последние, видимо, и следует считать их источником⁶⁷. Что же касается Аракса Пейтинговой карты, то он является результатом попытки картографировать данные Геродота, дошедшие до автора карты в интерпретации Эратосфена.

⁶¹ Yt. XII, 9—22; X, 104—105.

⁶² Chr. Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, B., 1961, стб. 1558.

⁶³ W. Geiger, *Ostranische Kultur im Alterthum*, Erlangen, 1882, стр. 34—35.

⁶⁴ E. E. Herzfeld, *Zoroaster and his world*, Princeton, 1947, стр. 448—449, 768—769.

⁶⁵ I. Gershevitch, *The Avestan hymn to Mithra*, Camb., 1959, стр. 125, 251—254, 330. Там же см. об остальных переводах.

⁶⁶ J. Darmesteter, *The Zend-Avesta*, vol. II, Oxf., 1883, стр. 146, прим. 4.

⁶⁷ Предлагалось считать данные сообщения Геродота и Страбона независимыми одно от другого и восходящими к одному общему источнику. Герман сначала считал этим общим источником сочинения Гекатея и признавал, что сообщение Страбона подверглось обработке посредника; сообщение Гекатея он восстанавливал так: рукава Аракса вливаются в северное море, а один рукав — в Каспийское море, см. Hergh. *Alte Geographie...*, стр. 36—38. Впоследствии он стал считать общим источником сочинение Дионисия Милетского (под вопросом) и возводить сообщение Страбона прямо к нему, см. Hergh. *Alte Geographie...*, стр. 2124—2125. Но у нас нет оснований полагать, что Гекатеем говорил о каком-то особом северном море, а взгляды Дионисия на данный предмет вообще неизвестны. Юнге также считал общим источником сообщений Геродота и Страбона сочинение Гекатея и признавал, что сообщение Страбона могло быть заимствовано через посредство Эратосфена; сообщение Гекатея он восстанавливал так: рукава Аракса вливаются в Океан, а один рукав — в Гирканское море, см. Jung, *ук. соч.*, стр. 26—27. Но у нас нет никаких оснований связывать геродотов Аракс с далеким мифическим Океаном. Аналогичные сообщения Страбона об Араксе, действительно независимые от Геродота, показывают, что об Океане в такого рода сообщениях и не могло быть речи.

Известия об Араксе, подобные рассмотренному сообщению Геродота, содержатся в сочинениях более поздних авторов. Одни из этих известий восходят, видимо, к Феофану Митиленскому, который сопровождал Помпея в его восточных походах и посетил, в частности, Албанию. Сообщение этого автора выглядело примерно так: Аракс одним рукавом вливается в Каспийское море, другое же устье имеет общее с Киrom; состоит оно из 12 рукавов, отчасти глухих, сюда идут речные наносы, рукава занесены илом, изобилуют мелями, а берега их подвержены разливам от прибоя⁶⁸. Другие известия восходят к Кирсилу Фарсальскому и Мидию Ларисскому, участникам походов Александра Македонского. У них описание Аракса соединено со сказанием об аргонавтах: Аракс будто бы сначала затоплял равнину в своих низовьях, не имея выхода в море, но затем Ясон сделал проход, через который воды реки стали низвергаться в Каспийское море (Strabo, XI, 14, 13); видимо, так эти авторы объясняли происхождение болот в низовьях Аракса и отдельного рукава реки, соединявшегося с морем. Все эти известия близки сообщению Геродота; сам Страбон сопоставляет второй рассказ с сообщением Геродота об Араксе и его 40 рукавах. В то же время они определенно независимы от Геродота.

4. *Описание Каспийского моря.* С ним тесно связаны рассуждения Геродота о море эллинов, Атлантическом море и Эрифрейском море.

Здесь Геродот дает следующие указания, по которым можно судить о его источниках. В одном случае Геродот подчеркивает, что о путешествии финикийцев вокруг Ливии узнал он сам (*ἑαὐτὸς ἴδμεν*); в другом случае он говорит, что опять-таки он сам знает одного самосца, к которому в конце концов попали сокровища Сатаса. Оба указания могут свидетельствовать об устных источниках.

Не случайно такими указаниями сопровождаются именно рассказы о плаваниях вокруг Ливии. Дело в том, что посредством этих рассказов Геродот доказывает соединение трех морей: моря эллинов, Атлантического и Эрифрейского, полемизируя с тем мнением, согласно которому Эрифрейское море — замкнутое. Есть основания считать, что такого мнения придерживался Гекатей⁶⁹. Такое представление об Эрифрейском море связано с поисками истоков Нила в Индии, и намек на эти поиски также можно найти в сочинении Геродота в том месте, где он пересказывает Гекатея⁷⁰.

Напротив, рассказ о путешествии Скилака не сопровождается подобной ссылкой. Геродот излагает его скорее всего по Гекатею (видимо, Геродот вообще был знаком с сочинением Скилака только через посредство Гекатея). Пересказ Геродота очень краток и, очевидно, пропускает ряд важных деталей описания. Так, сам же Геродот говорит, что благодаря этому путешествию стала известной большая часть Азии и было установлено, что она, подобно Ливии, окружена со всех сторон, кроме восточной, морем (т. е., видимо, омывается с севера Каспийским морем, а с юга —

⁶⁸ Strabo, XI, 4, 2; Plut., Rom., 34, K. В. Тревер, Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, М.—Л., 1959, стр. 42—43. Отметим здесь, что описание несудоходного устья Кира вряд ли можно возводить к Патроклу, который говорил о легкой осуществимой возможности плавания из устья Окса в устье Кира (W. W. Tarn, The Greeks in Bactria and India, Camb., 1951, стр. 488—490).

⁶⁹ Л. А. Ельницкий, Знания древних о северных странах, М., 1961, стр. 55, 64. Заметим здесь, что необходимо допустить неточность в цитате из Дамаста, прошедшей через руки Эратосфена и Страбона (Strabo, I, 3, 1), если возводить ее к Гекатею. Гекатей не мог говорить о замкнутости Аравийского залива, ср. Гекатей у Herod., IV, 44. Дамаст, основываясь на Гекатее, очевидно, говорил о том, что озером является Эрифрейское море, а не Аравийский залив, его часть.

⁷⁰ Herod., IV, 44. Ср. Aeschyl., Prom. Vinct. 809.

Эрифрейским⁷¹), но упоминает лишь о плавании по Инду и Эрифрейскому морю. По-видимому, Геродотово описание Каспийского (или Гирканского) моря также следует считать частью данного рассказа Гекатея. Непосредственно оно входило, надо полагать, в описание пути от Амиса до Бактр. Этот путь, как уже говорилось, предполагает плавание по Каспийскому (или Гирканскому) морю. Определение ширины моря (восемь дней плавания на веслах) могло бы относиться к плаванию от устья Аракса к Гиркании⁷². Гекатей же эти сведения заимствовал определенно у Скилака. Те сведения Гекатея о Гирканском море, которые сохранились во фрагментах его сочинения, также восходят к Скилаку⁷³. В то же время Гекатей вряд ли смог бы добыть подобные известия об этом море у кого-нибудь другого, кроме Скилака. Еще Страбон говорил о несудоходности Каспийского моря, имея в виду времена господства персов (XI, 7, 2); слова Страбона свидетельствуют о том, что о плаваниях по Каспию в древнейшее время почти ничего не было известно, во всяком случае грекам.

Скилак и в данном случае отразил географические представления персов. Каспийское море персы в те времена действительно считали озером. Свообразные представления об Эрифрейском море как озере, несомненно, также бытовали среди персов, но засвидетельствованы и для значительно более раннего и более позднего времени⁷⁴.

Подчеркивая изолированность Каспийского моря, Геродот, очевидно, полемизирует с каким-то иным мнением. Возможно, что это отвергаемое Геродотом воззрение имеет в виду Плутарх, когда говорит о каких-то естествоиспытателях, которые задолго до походов Александра считали Каспийское море одним из четырех заливов (самым северным) внешнего моря⁷⁵.

Сообщения Геродота о Каспийском и Эрифрейском морях повторяет Аристотель. При этом Аристотель, видимо, соединил с данными Геродота аналогичное сообщение о Гирканском море, восходящее к Гекатею, думая о Каспийском и Гирканском морях как о двух разных бассейнах⁷⁶.

5. *Описание Кавказа и его жителей.* Геродот здесь дает такую ссылку: «говорят» (λέγουσι) об обычаях жителей Кавказа. Скорее всего Геродот в данном описании основывался на устных сообщениях. Описание это повторяет Страбон. Повествование Страбона в общем соответствует тому, о чем говорит Геродот, за исключением сообщения о скотоводстве. Возможно, что последнее появилось под влиянием рассказа Геродота о других

⁷¹ Таковы известия Гекатея, восходящие к Скилаку, о пределах Азии: Herod., IV, 40.

⁷² В средние века ширину Каспийского моря определяли длительностью плавания от Табаристана до Дербента (одна неделя плавания при благоприятном ветре), см. Бартольд, ук. соч., стр. 24, прим. 11.

⁷³ Herod., fr. 291, Jacoby; Gisinger, ук. соч., стб. 629.

⁷⁴ Относительно представлений древних персов о морях ср. Herzfeld, ук. соч., стр. 630—651 и Jungé, ук. соч., стр. 28—29. См. также Ктесий у Aelia p., X A., XVII, 32; Aristot., Meteor. I, 13, 18, 29. Относительно вопроса об Эрифрейском море (о связи Индии и Эфиопии) в древности см., например, A. von Gutschmid, Kleine Schriften, Bd. III, Lpz., 1892, стр. 164—165. Ср. также переход названия «Мелухха» от Индии к Эфиопии.

⁷⁵ Plut., Alex. 44; Ельницкий, ук. соч., стр. 65. Высказывалось предположение о том, что Геродот в данном случае полемизирует с Гекатеем, см., например, Негмапн. Kaspisches Meer, RE, Bd X, 1919, стб. 2276. Но Геродот говорит, что Каспийское море не сливается ни с каким «другим морем» (τῆ ἐτέρῃ θαλάσσει), и вряд ли можно понимать под этим морем гекатееву «реку Океан» (ποταμὸς Ὠκεανός), обтекающую кругом Землю (см., например, Pearson, ук. соч., стр. 29). Геродот, действительно, знал об этом Океане и высмеивал веру в него (II, 21, 23; IV, 36).

⁷⁶ P. Volcher, Aristoteles Erdkunde von Asien und Lybien, B., 1908, стр. 10. Предположение о том, что Аристотель сообщает действительно о двух разных морях (W. W. Tarn, Alexander the Great, vol. 2, Camb., 1948, стр. 5—7), маловероятно.

обитателях окраин экумены, также горных жителях, питавшихся древесными плодами, у которых, однако, было «немного овец (πρόβατα)» и которые употребляли в пищу молоко (Herod., IV, 23). Сообщение Геродота об одном из обычаев жителей Кавказа повторяют паремииграфы. Это сообщение они заимствовали скорее всего через посредство какого-то описания, подобного тому, которое использовал Страбон: все то, о чем Геродот говорил в персегесе Каспийского моря, в нем было отнесено к массагетам. Заметно здесь и влияние сообщения Геродота о брачных обычаях массагетов: слова «на дорогах» (ἐν ταῖς ὁδοῖς) появились, видимо, в результате переосмысления упоминания о кибитках (πρὸ τῆς ἀμάξης). Подобные сообщения о моссиняках, одном из прикавказских народов, дает Ксенофонт, сам прошедший с отрядом греческих воинов через их область. Заканчивая свое описание похода через страну моссиников, Ксенофонт отмечает две особенности быта этого племени: тело свое они разрисовывают и татуируют цветами, а с женщинами сходятся открыто⁷⁷. Возможно, что и Геродот, сообщая о каких-то особых долговечных красках жителей Кавказа, говорил, в сущности, о татуировке, но при этом информация, которой он располагал, или оказалась неточной, или была неправильно им понята.

6. *Описание равнины массагетов.* Это описание уже тесно связано с рассказом о походе Кира на массагетов: именно на тех (ἐπ' οὖς) массагетов, которые обитают на упомянутой равнине, Кир и решил пойти войной (Herod., I, 204). Поэтому здесь же нужно учесть географические указания данного рассказа о массагетах и Араксе.

В самом описании Геродот не дает никаких ссылок на источники. Возможно, что Геродот здесь основывался на устном источнике — на том же самом, который он использовал в рассказе о походе Кира. Это был один из «многих рассказов» (πολλοὶ λόγοι) персидского или персо-индийского происхождения о гибели Кира⁷⁸. Но не исключено, что Геродот и в данном случае заимствовал у Гекатея.

О равнине к востоку от Гирканского моря Гекатей, по-видимому, говорил, хотя следы его сообщения выявляются с трудом. В этой связи остановимся на некоторых известиях Арриана и Курция, восходящих к Эратосфену (?). Арриан говорит: «Гирканская страна лежит влево от дороги, ведущей в Бактры, и отделена от нее лесистыми и высокими горами; равнина же простирается до самого великого моря, находящегося там; и далее: «... Или великое море, обойдя кругом от восточного Индийского [моря] вливается в Гирканский залив»⁷⁹. Курций сообщает: «Здесь находится непрерывная равнина, простирающаяся до самого Каспийского моря; и далее: «...Некоторые считали, что [это] не Каспийское море, а другое, то, что от Индии доходит до Гиркании, горные склоны которой понижаются в непрерывную равнину». (VI, 4, 16, 19). Эратосфену (или каким-то его предшественникам) здесь принадлежит представление о великом (т. е. внешнем) море, заливом которого является Каспийское море. Но в основе, видимо, лежит текст Гекатея, хотя и сильно затемненный в результате многократных пересказов. Содержание его можно восстановить приблизительно так. Гирканское море с юга окружено лесистыми и высокими горами (ὄρεα δασέα καὶ ὕψηλά — Арриан)⁸⁰, на востоке же от моря горы сменяются обширной равниной (πεδίον Арриана, perpetua vallis Курция), простирающейся до Океана (который был истолкован как внешнее море). Вместе с этой равниной Гекатей, видимо, упоминал и Аракс. Курций, основываясь на сообщении, восходящем к Эратосфену (?), гово-

⁷⁷ Xen., Anab. V, 4, 32—34; Di od., XIV, 30, 7.

⁷⁸ Herod., I, 214; Jacoby, Herodotos, стб. 426.

⁷⁹ Arr., Anab., III, 23, 1; VII, 16, 2.

⁸⁰ Ср. Нес., fr. 291; Jacoby, FGH, I, стр. 365.

рит о горе Кавказ, обращенной «одной стороной..., а другой к Каспийскому морю, реке Араксу и знаменитым пустыням Скифской страны», и с этой горы текут почти все реки Азии, впадая «одни в Красное, другие в Каспийское море, иные в Гирканское и Понтийское»⁸¹. Позднему автору здесь принадлежит название «Кавказ» — так современники Александра именовали горный хребет, пересекающий всю Азию. Но в основе и этого сообщения лежат гекатеевы представления об упомянутом горном хребте и противостоящих одно другому морях: Эрифрейском (Rubrum mare Курция) и Гирканском (или Каспийском) с рекой Аракс⁸². То, что Аракс не случайно упомянут здесь рядом со скифской пустыней, свидетельствует сообщение Каллисфена, также восходящее к Гекатею, о том, что Аракс отделяет скифов от бактрийцев⁸³. Проводилось ли в тексте Гекатея сколько-нибудь четкое различие между Араксом данных сообщений и Араксом, который вытекает из страны матиенов и разделяется на сорок рукавов? Вряд ли (так же и у Геродота). Потому-то, видимо, Каллисфен и считал возможным объединить те и другие сообщения об Араксе. Все это вместе — сведения о лесистых горах Гиркании, о Скифии и Бактрии, разделенных Араксом, — нашло отражение в следующем отрывке из Лукана: «...кочующие народы Скифии, которых ограничивает ледяной бездной Бактр, [очевидно, имеется в виду «холодный Аракс» как предел Бактрии] и обширными лесами Гиркания»⁸⁴. Видимо, слова Лукана восходят к какому-то общему описанию далеких восточных земель, принадлежащему Гекатею, приведенные же выше сообщения о скифской равнине и Араксе — к отдельным частям этого описания. Само же описание должно быть частью рассказа о пути от Амиса до Бактр, который был использован Эратосфеном, но восходил, как сказано выше, к сочинению Гекатея. С рассказом об этом пути явно связан первый из приведенных отрывков, относящихся к описанию восточных земель. В непосредственной связи с этим описанием рассказывалось, видимо, о последнем участке пути, от Гирканского моря до Бактр: путь вел от моря в Гирканию, затем дорога шла в Бактрию, оставляя горы (и обширную пустынную равнину скифов?) слева (ἐν ἀριστερᾷ), наконец, приводила в Бактры и к скифам, обитавшим по ту сторону (ἐπέκεινα, за Араксом?), вплоть до восточного моря (т. е. до внешнего моря, гекатеева Океана?), причем горы здесь оказывались уже справа (ἐν δεξιᾷ); и в данном случае направление пути — прямо на восток⁸⁵. Как уже отмечалось выше, описание дороги от Амиса до Бактр восходит, в конечном счете, к сочинению Скилака.

Займствовал ли Геродот свое представление об Араксе на востоке от Каспийского моря как рубеже владений персов и массагетов из рассказов персов или из сообщений Гекатея — Скилака, оно в том и другом случае должно отражать персидские географические воззрения. Действительно, очень близкое представление мы обнаруживаем в рассказе Себеоса о Вахраме Мехревандаке. Рассказ этот излагает одну из версий сасанидского сказания о Вахраме Чубине, в которой тесно переплелись история и сага. Следы последней особенно заметны в сообщении о том, что Вахрам овладел областью Балха «до другой стороны великой реки под названием Вехрот, до места под названием Казбион», прошел дальше копьа храброго Спандиата и разбил «великого царя мазкитов, жившего по ту сторону

⁸¹ Curt., VII, 3, 19, 21 (принимаем чтение E. Hedicke: nobiliaque). Ср. А г г., III, 28, 5; V, 5, 3—5.

⁸² Ср. Herrmann, Alte Geographie..., стр. 21.

⁸³ Callisthen, fr. 38, Jacoby; Junge, ук. соч., стр. 25.

⁸⁴ Lucan., De bello civ., III, 266—268; VIII, 431. Ср. P s.-P l u t., De fluv., XXIII, 1.

⁸⁵ Eratosthen., fr. III A, 2, 8, 11, Berger.

великой реки»⁸⁶. Некоторые пояснения к этим сообщениям дает «География», приписанная Мовсесу Хоренаци. Там упоминается, в качестве одной из областей Хорасана, «Гозбон вилоть до реки, называемой Аранг», а сама река Аранг характеризуется как непроходимая, причем далее эта река отождествляется с той, которую персы называют «Вехрот», и поясняется, что непроходима она для персов в силу договора⁸⁷. Хотя под мазкитами, т. е. массагетами, здесь имеются в виду вполне реальные турки⁸⁸, вся география этих сообщений принадлежит саге. Из каких именно легенд могла быть заимствована эта география, показывает само содержание сообщений. В них Бахрам Чубин уподобляется своим предшественникам, эпическим героям Аришу и Исфандиару (Спандиату), также широко раздвинувшим пределы Ирана. В сказании об Арише говорится, что владыки Ирана и Турана договорились о границе, разделившей их земли, и что границу эту определил полет стрелы, которую выпустил Ариш, или Рхша (авест. *Frəxša*)⁸⁹; стрела летела из Табаристана на восток и возвилась в ореховое дерево (*gōzbun*); место приземления стрелы искали в районе Хульма в области Балха (иногда и прямо у Амударьи)⁹⁰. В одном из сказаний об Исфандиаре говорится о том, как этот герой войной дошел до некоего места, где воткнул в землю свое копьё, указав тем самым границу Ирана; местом этим считали город Навазак в области Балха (видимо, также недалеко от Хульма и Кундуза; может быть, прямо на Амударье)⁹¹. Итак, персидская традиция еще в сасанидские времена помнила о древней границе Ирана с туранскими массагетами по реке Аранг (соответствующей Араксу), она же Вехрот (Амударья), а также об области Балха (Бактрия), примыкающей к этому Арангу, и, видимо, о Табаристане (горах Гиркани) как крайних землях Ирана⁹².

Сообщение Геродота о равнине массагетов повторяет Страбон. В одном сообщении, в общем описании массагетов, он просто говорит о «равнинах» (*πεδιά*) массагетов, в другом, не упоминая о равнине, говорит о саках и массагетах, которые обитали за Каспийским морем. Это второе сообщение, как уже отмечалось выше, через посредство Эратосфена восходит к Гелланику⁹³. Последний, видимо, заимствуя у Геродота известие о равнине массагетов, прибавил к нему иное известие, о «равнине саков» (*πεδίον Σακῶν*), именуемой «Амиргийской» (*Ἀμιργίον*)⁹⁴.

⁸⁶ История епископа Себеоса, пер. с армянского, Ереван, 1939, стр. 33—34.

⁸⁷ J. M a r q u a r t, *Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i*, В., 1901, стр. 12, 138—139; о н ж е, *Wehrot und Arang*, Leiden, 1938, стр. 14—15, 137.

⁸⁸ О тюрках как массагетах, см. T h e o r h a n. В у z., 2 (Phot., Bibl. cod. 64), Müller.

⁸⁹ О стрелке Араксе, именем которого названа бактрийская река, см. Ps. - P l u t., *De fluvi.* XXIII, 1.

⁹⁰ M a r k w a r t, *Wehrot...*, стр. 14, 137—138; с р. о н ж е, *Eranšahr...*, стр. 93, 147. Об этой легенде см. также H e r z f e l d, ук. соч., стр. 442—444. Названия *Kazbion* и *Gozbon* объясняются как разные варианты слова *gōzbun*, см. M a r k w a r t, *Wehrot...*, стр. 14—15. Иное объяснение см. К. В. Т р е в е р. Кушаны, хнонты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв., СА, XXI, 1954, стр. 140 (здесь не учтено последнее толкование Маркварта).

⁹¹ M a r q u a r t, *Eranšahr*, стр. 83—84, 89; о н ж е, *Wehrot...*, стр. 34, 143—144; A. V. W. J a c k s o n, *Zoroaster, the Prophet of ancient Iran*, N.—Y., 1919, стр. 272—273.

⁹² Попытка пзвлечь из этой традиции указания на реальный маршрут похода Бахрама Чубина (M a r k w a r t, *Wehrot...*, стр. 151—154), как нам кажется, не может быть удачной. Эта древняя эпическая традиция чисто внешним образом приспособлена к рассказу о походе Бахрама Чубина, и искать реальные соответствия для ее географических указаний можно, лишь исходя из нее самой.

⁹³ *Hellanic.*, fr. 185, Jacoby; FGH, I, стр. 473—474.

⁹⁴ *Hellanic.*, fr. 65, Jacoby. Предполагалось, что это добавление Гелланика восходит к Гекатею, см. J u n g e, ук. соч., стр. 29—30. Можно допустить, что Гекатей

Известия о равнине массагетов, подобные сообщению Геродота, можно найти в сочинениях более поздних авторов. Все они восходят, по-видимому, к Эвдоксу Родосскому. Эратосфен говорит, что массагеты «живут рядом с бактрийцами, к западу [от них], вдоль Окса»⁹⁵. Полибий, имея в виду страну тех же массагетов, говорит, что Окс, покинув Бактрию, течет по «равнинной местности» (πεδίαζ ὄψα), в «пустыне» (ἐρημος — X, 48). Выше мы уже касались представления Эвдокса о том, что Окс в нижнем своем течении, достигнув моря, отделяет массагетов от Гиркании. Известия эти явно независимы от Геродота.

Итак, рассмотренное повествование Геродота, а именно периегеса Каспийского моря и описание массагетов в том виде, в каком мы находим его в сочинении «отца истории», принадлежит самому Геродоту. Здесь этот автор в обычной своей манере напиливает одно отступление на другое. Собственно к массагетам и их стране относятся, во-первых, сообщения 1—2 и 7—13 (хотя и здесь жители островов не названы массагетами) и, во-вторых, сообщение 6. Первая группа сообщений основана главным образом на рассказах ольвийских купцов; следы других источников, в частности известий Гекатея, здесь прослеживаются слабо. Последнее сообщение автор услышал из уст какого-нибудь перса или лидийца, но при этом, возможно, учел и данные Гекатея. Упоминания об Араксе в сообщениях 1—2 дали автору повод привести и сообщение 3, а упоминание в последнем о Каспийском море позволило привести сообщения 4 и далее 5. В этих сообщениях в значительной степени использованы известия Гекатея, но к ним прибавлены и данные устных источников. Последующие авторы, рассказывая о массагетах, перелагали почти все рассмотренное повествование Геродота и по небрежности относили его содержание к одним только массагетам. Такое переложение мы находим у Страбона. В результате появились народы, имеющие чисто литературное происхождение: «массагеты гор», «массагеты болот», а может быть, и «массагеты островов».

Остановимся, наконец, на исторической интерпретации и рассмотренных сообщений Геродота и зависимых от него авторов.

Вопрос о локализации Геродотовых массагетов (*Μασσαγῆται*) тесно связан с идентификацией Геродотова Аракса (Ἀραξῆς у Геродота, Ἀραξος у Страбона). У Геродота фигурируют, в сущности, не один, а три Аракса. Первый: большая река, сравнимая с Истром; имеет острова (очевидно, «острова» дельты), сравнимые с Лесбосом; изобилует рыбой, которую добывают массагеты. Массагеты живут на восток от этого Аракса, в стране, из которой они якобы вытеснили скифов. Об этом Араксе Геродот узнал от ольвийских купцов. Второй: специально о нем ничего не говорится. Но подразумевается, что этот Аракс отделяет массагетов от владений персов, и персы, решив вторгнуться в землю массагетов, перешли его (в нижнем течении) по мосту, устроенному из судов. О втором Араксе Геродот узнал из рассказов персов, но, может быть, он был известен ему и по сочинению Гекатея. Третий: берет начало в земле матиенов и разделяется на много рукавов, из которых один впадает в Каспийское море, а остальные — в болота; течет на восток и служит границей Азии. К Геродотовым массагетам этот Аракс не имеет отношения. О третьем Араксе Геродот узнал в основном из сочинений Гекатея. В сознании самого Геродота эти три реки никак не разделялись. Черты одной из них он свободно переносит на другую. Так, когда Геродот говорит, что за Араксом обитают массагеты, он, конечно, имеет в виду тот Аракс, через который переправлялись персы.

упоминал о саках и массагетах как двух частях скифов, обитавших за Каспийским морем (ср. S t r a b o, XI, 8, 2), но у нас нет оснований считать, что Гекатей говорил и об амиргиях.

⁹⁵ S t r a b o, XI, 8, 8; ср. P t o l., Geogr. VI, 10, 2.

Когда Геродот говорит, что за Араксом, в Азии, первоначально обитали скифы, он имеет в виду тот Аракс, который служит границей Азии. Но на самом деле это три разные реки. Об этом свидетельствуют и некоторые указания самого Геродота и параллельные независимые сообщения других авторов. Первый Аракс — это Волга. В тексте Геродота сохранился намек на долготное направление его течения: массагеты обитают «на востоке... по ту сторону реки Аракс». В параллельном сообщении Диодора Аракс, судя по контексту, также соответствует скорее всего Волге⁹⁶. В античной литературе эта река известна и под другими названиями, в частности в более поздние времена ее называют «Ра» (Ρᾶ). Птолемей упоминает область «Островную» (Νησιώτις) и два народа, фтирофагов и матеров, помещая их к востоку от этой реки (от основного ее русла в низовьях?) (Geogr. V, 9, 17). В авестийской и пехлевийской литературе (часто в мифологизированной традиции) под именами «Рангха» (Rāhā) и «Аранг» (Arang)⁹⁷ в большинстве случаев имеется в виду эта же река. В частности, упоминается «окруженный бурлящими волнами остров» (raitirā dyaerē) Рангхи, на котором оказался «самый младший из [турского рода] Фръянов (Yt. V, 81—83). Упоминается также о рыбе кара (видимо, осетр), обитающей в Рангхе⁹⁸. Второй Аракс — это Амударья; впрочем, возможно, что за нижнее его течение принималась какая-то другая река (Атрек?). В параллельном сообщении Эвдокса (?) Араксу соответствует Окс (Амударья). В армянской «Географии» та же река отождествлена с Вехротом (Амударьей). В античном мире начиная со времени походов Александра эта река известна только под названием «Окс» (Ὀξός); прежнее название живет лишь в литературной традиции. В персидской традиции и эта река именуется «Арангом». Третий Аракс — это современный Аракс. Действительно, течет этот Аракс на восток, а берет начало в земле матиенов (в Гекатеевой ее трактовке). Наличие тюленей в его низовьях (в болотах) свидетельствует о том, что река идет действительно о прикаспийской дельте (в Аральском море, как известно, тюленей нет). Параллельные сообщения Феофана, Кирсила и Мидия явно имеют в виду кавказский Аракс. В античном мире эта река и после походов Александра продолжает именоваться «Араксом». В персидской традиции эта река, видимо, также была известна под названием «Аранг».

Геродотовы массагеты, таким образом, обитали, во-первых, на востоке от Аракса (Волги), а частично, может быть, и непосредственно у этой реки; во-вторых, на востоке от Каспийского моря, занимая «огромную равнину», где они были отделены от владений персов (видимо, от Гиркании) другим Араксом (Атреком?). Первое указание восходит к ольвийским купцам, а второе — в основном к персам.

В этой связи было бы интересно проследить путь, по которому сведения о массагетах достигли Ольвии. Знаменитый торговый путь из Ольвии к аргишпеям, который интенсивно использовали ольвийские купцы во времена Геродота, проходил значительно севернее; он вел на Среднюю Волгу и далее, в Приуралье. Нижняя Волга и Нижний Дон входили в основном в сферу торговой деятельности боспорских купцов. Здесь путь шел, видимо, по Азовскому морю к устью Дона, а затем вверх по этой реке до переволока в Волгу в месте наибольшего сближения обеих рек. Но по этому пути проникали в глубь степей и ольвийские изделия; некоторые характерные вещи, свидетельствующие об ольвийской торговле, найдены

⁹⁶ Негтманн, *Alte Geographie...*, стр. 21, прим. 5.

⁹⁷ Названия *Rāhā > Rāhā > Arang полностью соответствуют греческому Ρᾶ, т. е. Rhā.

⁹⁸ Yt. XIV, 29. Наименование рыбы толкуется так со времени Анкетилиа дю Перрона.

и в Нижнем Поволжье, и на Южном Урале⁹⁹. Очевидно, во времена Геродота уже существовало положение, которое отмечается для несколько более позднего времени, IV—III вв. до н. э.: некоторые ольвийские купцы приезжали в боспорские города и принимали участие в торговых путешествиях боспорских купцов¹⁰⁰. Из рассказов этих людей Геродот и узнал об Араксе (Волге) и массагетах, обитающих на востоке от него. Соответствующие сообщения Геродота можно считать фрагментами описания торгового пути из Боспора к Араксу (Волге) и массагетам. То, что сведения Геродота об этом пути гораздо более скудны, чем известия о пути из Ольвии к аргипсеям, вполне понятно: торговые связи Ольвии с Боспором не были особенно интенсивными, и о первом пути в Ольвии знали мало.

Какой момент истории туркестанских степей отражен в рассматриваемых сообщениях Геродота? Основные события этой истории, передвижения степных племен отличаются устойчивой повторяемостью и довольно точно укладываются в стандартную схему: кочевники, двигаясь с востока или северо-востока, занимают степи по Уралу и его притокам и одновременно по Нижней Сырдарье, а вскоре проникают и на юг, в область между Каспийским морем и Амударьей; прежнее население всех этих областей частью вытесняется за Волгу, на запад или юго-запад, частью, в виде отдельных групп, остается на старых местах; особенно стойко прежнее население держится, видимо, в низовьях Амударьи и Сырдарьи, где кочевники вступают в тесный контакт с оседлым населением, а частично и сами переходят к оседлости. То, что сменяющие друг друга объединения кочевников последовательно занимают примерно одну и ту же территорию, было обусловлено, очевидно, потребностями кочевого хозяйства, необходимостью далеких меридиональных перекочевок. Так, удобные для кочевников места зимовок находились в низовьях Урала и Сырдарьи, в районе слияния Иргиза и Тургай, а места летовок — по притокам Урала, в верховьях Тобола, по Иргизу; зимовки на Мангышлаке и Устюрте были связаны с летовками в долинах Эмбы, Сагиза, Уила. Последним по времени племенным союзом кочевников, занимавших эти места, был казахский Младший жуз. Очевидно, одним из далеких предшественников его и являлось племенное объединение массагетов.

Чрезвычайная близость восточного варианта «савроматской» культуры и культуры скифов Приаралья в период VI—IV вв. до н. э., свидетельствующая об общности быта, военного дела, верований и искусства посетителей этих культур, уже неоднократно отмечалась исследователями; справедливо указывалось, что такая близость не может объясняться только соседством или торговыми связями¹⁰¹. Эта близость, очевидно, и отражает единство племенного союза массагетов. Конечно, состав этого союза, как и всех предшествующих и последующих объединений кочевников в тех же местах, был пестрым. Надо думать, что основными, собственно массагетскими племенами этого союза были те, которые оставили после себя, с одной стороны, «шлаковые» курганы и скифские курганы Тагискена и Уйгарака с трупосожжениями, а с другой — курганы типа, представлен-

⁹⁹ К. Ф. Смирнов, Савроматы, М., 1964, стр. 257—260.

¹⁰⁰ Д. Б. Шелов, Ольвийские монеты в Поволжье, в кн. «Древности Восточной Европы», М., 1969, стр. 298 сл.; он же, Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э., М., 1970, стр. 179—180.

¹⁰¹ См., например, Смирнов, ук. соч., стр. 277—280; С. П. Толстов, М. А. Итина. Саки низовьев Сыр-Дарьи, СА, 1966, № 2, стр. 173; О. А. Вшивская, М. А. Итина. Ранние саки Приаралья, в кн. «Проблемы скифской археологии», М., 1971, стр. 207—208.

ного «савроматскими» погребальными сооружениями Аландского могильника¹⁰².

Возникновение массагетского объединения надо связывать, по-видимому, с тем передвижением степных племен, которое имело место, судя по ряду признаков, в конце VII в. до н. э. Возможно, что массагеты были ближайшими наследниками объединения, созданного турами (Tūra) и археологически представленного, может быть, тагискенскими мавзолеями и другими памятниками «карасукоидного» круга. Во второй половине VI в. до н. э. массагеты уже должны были занять область между Каспием и Амударьей. Массагетов периода их наибольшего территориального распространения, VI—V вв. до н. э., можно, пожалуй, сравнить с огузами IX—XI вв. н. э.¹⁰³ Начало распада массагетского объединения следует связывать с новым передвижением степняков в конце V в. до н. э. Непосредственными преемниками массагетов явились дахи (Dāha, Дэх), археологически представленные памятниками прохоровской культуры. В IV в. до н. э. дахи вытеснили массагетов из основных занимаемых ими областей, а к концу того же столетия дахи должны были проникнуть в область между Каспием и Амударьей¹⁰⁴.

В своем движении на юг массагеты в 530 г. до н. э. столкнулись с персами. Сокрушить массагетов персам тогда не удалось, хотя дальнейшее продвижение массагетов было, видимо, приостановлено. В конце VI в. до н. э. персы смогли поставить массагетское объединение в зависимость от себя, а в конце V в. до н. э. они даже попытались организовать здесь сатрапию и возвести дворец сатрапа в долине Нижней Амударьи¹⁰⁵. Однако начавшееся тогда же передвижение степных племен уничтожило все эти начинания персов. Памятники, свидетельствующие о вхождении массагетов в политическую систему Ахеменидов, известны не только в Приаралье, но и на Южном Урале: степи по реке Уралу и его притокам четко выделяются как район находок вещей ближневосточного происхождения, связанных с памятниками «савроматского» времени; относительно во всяком случае части этих вещей нельзя сказать, что они были предметом торговли¹⁰⁶.

Основные вехи поздней истории массагетов можно проследить по данным как письменных, так и археологических источников. Под напором дахов массагетское объединение, видимо, распалось. На его развалинах создались новые объединения, сохранявшие преемственную связь со старым, но занимавшие меньшую территорию. В Приаралье наиболее значительным из таких объединений было апасиакское. Это объединение существовало уже во второй половине IV в. до н. э. и было известно под назва-

¹⁰² Об этих памятниках и их соотношении см., например, С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 181—186; М. Г. Мошкова, Савроматские памятники Северо-Восточного Оренбуржья, в кн. «Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени», М., 1972, стр. 49—78.

¹⁰³ О территории огузов этого времени см. А. Ю. Якубовский, Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв., СЭ, 1947, № 3, стр. 48, 50.

¹⁰⁴ Отождествляя носителей прохоровской культуры с дахами, ссылаюсь на устное сообщение А. А. Марушенко. Разумеется, речь идет не о том, что все без исключения памятники этой культуры следует приписать дахам.

¹⁰⁵ Пьянков, ук. соч., стр. 19—20; он же, «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э., ВДИ, 1965, № 2, стр. 43—44.

¹⁰⁶ См., например, Смирнов, ук. соч., стр. 284; Т. В. Савельева, К. Ф. Смирнов, Ближневосточные древности на Южном Урале, ВДИ, 1972, № 3, стр. 106—123. К сожалению, не вполне ясно, из «савроматского» (массагетского) или прохоровского (дахского) погребения происходит сосуд с надписью Артаксеркса I. О том, что и дахи были тесно связаны с Ахеменидами, свидетельствуют надписи Ксеркса (XPh, 26), античные авторы (Агг., Anab., III, 11, 3; 28, 8, 10; Сигт., IV, 12, 6; VII, 4, 6; 7, 32; VIII, 1, 6, 8; 3, 1, 16) и, может быть, археологические данные (например, блюдо с арамейской надписью из кургана близ Прохоровки?).

нием «апасии» (Ἀπασίοι) ¹⁰⁷, массагеты в те времена еще продолжали господствовать в степях к югу от Танаиса (Сырдарья). Апасиаки (Ἀπασιάκται) сохраняли свое значение и во второй половине III в. до н. э.; они занимали в это время по крайней мере район низовьев Окса (Амударья) и Танаиса (Сырдарья), среднего течения Окса, а может быть, господствовали и в ближайших к Гиркании степях ¹⁰⁸. Наконец, еще позже, когда степи уже полностью принадлежали дахам, апасиаки (Paesicae, Pestici; ср. Πασιῖται) оказались оттесненными в низовья Окса ¹⁰⁹. Археологические данные свидетельствуют о следующем. «Шлаковые» курганы и близкие им памятники датируются VI—V вв. до н. э. Памятники кокча-тенгизской культуры в низовьях Амударья и отчасти Сырдарья, оставленные, видимо, более древним населением, относятся к тому же времени, а также к IV—II вв. до н. э. Но с IV в. до н. э. погребальные сооружения этого населения начинают приобретать черты, характерные для первой группы памятников ¹¹⁰. Нельзя ли видеть в этом результат внедрения каких-то массагетских родов под давлением извне в среду древних обитателей речных дельт (возможно, подвластных массагетам и ранее)? Этот процесс и мог бы привести к созданию апасиацкого объединения. Часть массагетов была вытеснена за Волгу, на юго-запад; эти массагеты обосновались на Восточном Кавказе. В источниках они впервые упоминаются в связи с событиями I в. до н. э. ¹¹¹.

Интерпретация отдельных сообщений Геродота о массагетах и их стране — задача сложная; ей должно быть посвящено отдельное исследование. В данной работе мы не можем браться за эту тему в целом, но отметим одно обстоятельство: при интерпретации сообщений Геродота о массагетах в сопоставлении с описаниями того же народа, принадлежащими другим авторам, необходимо учитывать, к какому месту и времени приурочено каждое такое описание.

Так, сообщения Геродота относятся к южноуральским массагетам 50—40-х годов V в. до н. э., а сообщения Эвдокса (?), которыми дополнены данные Геродота у Страбона, — к приаральским массагетам (апасиакам), видимо, 30-х годов III в. до н. э. Значение этого обстоятельства можно показать на примере сообщений о металлах массагетов. Геродот говорит о чрезвычайном обилии меди в земле массагетов. Слова Геродота будут вполне понятны, если учесть последние данные о крупном Еленовском месторождении меди, которое расположено на территории Геродотовых массагетов и разрабатывалось в «савроматское» и предшествующее, андроновское, время. Изделия из меди этого месторождения распространялись по степи далеко на запад, до Подонья включительно ¹¹² (очевидно, и в этом определенную роль сыграл в свое время боспорский торговый путь к массагетам). Эвдокс (?) же, говоря о металлах массагетов, не мог не упомянуть о железе, так как апасиаки его времени (и много ранее) активно занимались железоделательным производством ¹¹³.

Некоторые отличия в сообщениях Геродота и Эвдокса (?), касающихся обычаев массагетов, определенно объясняются большей близостью апасиаков к оседлому земледельческому населению. Если в описании Геродота массагеты представлены как «чистые» кочевники, то у Эвдокса (?) кочевные массагеты владеют «хорой». Может быть, в связь с этим последним

¹⁰⁷ Strabo, XI, 8, 8 (принимается чтение Ἀπασίοι вместо Ἀττάσιοι).

¹⁰⁸ Strabo, XI, 8, 8; Polyb., X, 48.

¹⁰⁹ Mela, III, 39, 42; ср. Ptol., Geogr. VI, 12, 4.

¹¹⁰ Толстов, По древним дельтам..., стр. 203.

¹¹¹ Тревер, Очерки..., стр. 105 сл.

¹¹² Е. Н. Черных, Древнейшая металлургия Урала и Поволжья, М., 1970, стр. 33—34, 38—40, 111—112; он же, Металл — человек — время, М., 1972, стр. 79—80.

¹¹³ Толстов, По древним дельтам..., стр. 137.

сообщением нужно поставить другое сообщение того же автора, в котором рядом с кочевыми апасиаками стоят хорасмии, причем и те и другие названы массагетами¹¹⁴. Были ли проводниками южных влияний в среде апасиаков маги — трудно сказать, но это вполне возможно, так как известно, что маги выполняли жреческие обязанности у хорасмиев и саков, по-видимому, со времен Ахеменидов¹¹⁵. О появлении новых погребальных обычаев у массагетов, обусловленных южными влияниями, свидетельствует сообщение Эвдокса (?) о выбрасывании трупов зверям. Обряд выставления трупов (в разных вариантах), по-видимому, с древнейших времен бытовал у земледельческого населения юга Средней Азии (он же был присущ и магам). Возможно, что этот обряд был принесен и в Приаралье хорасмиями, носителями «архаической» культуры (ср. погребальные (?) сооружения Кюзели-гыра). В то же время исконно массагетским обрядом, как уже отмечалось выше, следует считать особый вид трупосожжения (возможно, что с ним и связан массагетский обычай эндоканнибализма, описанный Геродотом, и что здесь же нужно искать истоки оссуарного обряда¹¹⁶). В Приаралье IV—II вв. до н. э., т. е. в период существования апасиацкого объединения, можно наблюдать взаимопроникновение того и другого обрядов. С одной стороны, в Хорезме возводится грандиозное погребальное сооружение, соответствующее массагетским обычаям (Кой-крылган-кала); с другой — на территории апасиаков появляются погребальные здания, свидетельствующие об обычае выставления трупов (Бабиш-мулла 2, Баланды 2 и др.). О появлении новых черт в ритуале массагетов может свидетельствовать сообщение Эвдокса (?) о питье массагетов, если понимать его как сознательное противопоставление сообщению Геродота о возжигании опьяняющих плодов. Действительно, ритуальное употребление опьяняющего напитка хаума (авест. haoma) было широко известно оседлым ираноязычным народам (и являлось важнейшей частью обрядности магов), в то время как курение конопли (авест. varha) было свойственно скифам (хотя и не только им одним)¹¹⁷.

THE MASSAGETAE OF HERODOTUS

by I. V. Pyankov

The author discusses the descriptive (geographical and ethnographical) part of Herodotus's account of the expedition by Cyrus against the Massagetae (I 201—204, 215—216). He concludes that in the form in which we have it this account is Herodotus's own, based mainly on oral sources and only partly on Hecataeus. The account given by Strabo (XI 6, 2—3; 8, 6—7; 14, 13) goes back to Herodotus through various intermediary sources. True, the Herodotean account is filled out in Strabo by additional information taken, perhaps, from Eudoxus of Rhodos. Strabo's Massagetae of the mountains and the swamps come from an inaccurate transmission of the text of Herodotus. Adducing several other literary sources and archaeological materials, the author attempts to delimit the territory settled by the Herodotean Massagetae and to interpret certain statements made by Herodotus about the country and customs of the Massagetae, collating the data of Herodotus with those of later authors. In particular he suggests that the Massagetae, who in the 6th to 4th centuries B. C. occupied the South Ural steppes and those in the western part of Middle Asia, replaced on this territory the Turians (who appear in the Avesta) and were themselves pushed out the by Dahae. Remnants of the Massagetae, concentrated in the 4th to 2nd centuries along the lower courses of the Oxus and Jaxartes rivers, were known in this region as the Apasiacae.

¹¹⁴ Strabo, XI, 8, 8, (об аттасиях см. выше).

¹¹⁵ Lucian., Macrob. 4.

¹¹⁶ О случаях, в которых выступает связь всех этих обрядов, см. Ю. А. Рапорт, Из истории религии древнего Хорезма, М., 1971, стр. 35—39, 46—57, 112—114.

¹¹⁷ О ритуальном употреблении конопли и белены у древнеиранских народов см. Э. А. Грантовский, Ранняя история иранских племен Передней Азии, М., 1970, стр. 286—290.